

ДЕМОКРАТИЯ ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ СОВРЕМЕННОСТИ

Под таким названием 23 октября 2007 г. в Астраханском государственном университете состоялось второе заседание Международного философского клуба.

В заседании приняли участие: Г.Г. Глинин, д-р филол. наук, профессор, проректор АГУ по научной работе; В.И. Коваленко, д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой мировой и российской политики МГУ им. М.В. Ломоносова; Е.Н. Мошечков, д-р полит. наук, профессор, зав. кафедрой истории социально-политических учений философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, главный редактор журнала «Каспийский регион: политика, экономика, культура»; Л.В. Баева, д-р филос. наук, доцент, зав. кафедрой философии, и.о. декана факультета социальных коммуникаций АГУ; Э.А. Зелетдинова, д-р полит. наук, зав. кафедрой социологии и психологии АГТУ; И.С. Рычагов, канд. соц. наук, доцент, председатель комитета по образованию и науке администрации г. Астрахань; Л.Я. Подвойский, канд. филос. наук, доцент, председатель Астраханского отделения РФО; преподаватели, студенты, обучающиеся по специальностям «Философия» и «Политология».

Вели заседание: А.П. Романова, д-р филос. наук, профессор, и.о. директора Гуманитарного института и Р.Х. Усманов, д-р полит. наук, профессор, председатель Астраханского отделения Российской ассоциации политических наук.

С основным докладом выступил д-р филос. наук, профессор В.И. Коваленко, осветивший такие проблемы, как «демократия и экономика», «демократия и терроризм», «демократия и права человека» (текст его доклада в виде статьи опубликован в № 4 за 2007 г. журнала «Каспийский регион: политика, экономика и культура»).

Доклад был выслушан с большим интересом и вызвал ряд вопросов, в том числе о суверенной демократии, о демократии в условиях глобализации, о том, что можно противопоставить гегемонистской политике США и т.п.

В рамках обсуждения доклада выступили ряд преподавателей и студентов, сообщения которых в кратком изложении публикуются в данном номере журнала.

Н.В. Гришин, канд. полит. наук, доцент кафедры политологии АГУ, выступил с сообщением «Угрозы демократии в современной России».

Можно выделить несколько угроз для демократии в современной России.

1. Демократия как единственная легитимация власти. К важнейшим вызовам демократии относится то, что она стала на современном этапе единственным способом легитимации власти. Поскольку иные способы легитимации (такие, как религиозная и иные) сейчас устарели, практически все власть предержащие вынуждены апеллировать к понятию демократии для собственного обоснования, что неизбежно приводит к подмене этого понятия, его внутренней коррозии.

В тоталитарном СССР и в иных режимах официально тоже провозглашалась демократия. Часто это приводит к цинизму и абсурду. Например, отмена выборов губернаторов в 2004 г. комментировалась многими официальными СМИ как расширение демократии.

2. Неэффективность демократии. Является ли демократия той формой организации власти, которая позволит наилучшим образом решить стоящие перед Россией проблемы?

Демократия ассоциируется с угрозой распада государственного организма, и сохранение единства России, предотвращение ее распада на регионы большинством населения ассоциируется отнюдь не с демократизмом, а с жесткостью и централизмом власти.

Следует отметить, что демократические силы не представили альтернативного от авторитарного, собственно демократического пути решения проблемы сохранения

целостности России, а это важно, так как исторически Россия формировалась авторитарным путем, и инерция этого процесса сама по себе не исчезнет.

Более того, совершенно не очевидно, что демократия является эффективным способом решения других конкретных проблем общества: социальной справедливости, борьбы с преступностью, экологии и т.д.

Не секрет, что в России широкие массы людей даже в период демократического подъема начала 1990-х скептически относились к перспективам внедрения демократических форм отношений. Интересно другое: в 1990-е гг. сторонником демократических методов была сама правящая элита, которая и инициировала их внедрение в стране. В последние годы мы наблюдаем, что на практике правящая элита отказывается от демократических методов и делает выбор в пользу авторитарных форм. Такие задачи, как обеспечение контроля над региональными властями или укрощение некоторых олигархов, решаются только через авторитарные центристские методы. Современный режим решает свои задачи, не обращаясь к демократическим процедурам. Это выглядит как признание самой Российской Федерацией неэффективности демократических методов в решении конкретных управленческих задач.

Таким образом, и на практике, и даже в теории в России нет обоснования демократии как более эффективного и практически целесообразного способа управления.

3. Демократическое лидерство. Иной вызов, стоящий уже перед профессиональными политиками – это демократический стиль политического лидерства. В демократическом смысле лидер – это, прежде всего, представитель интересов общества, то есть посредник в реализации политической воли общества. Много ли политиков в современной России позиционируют себя таким образом? В первой половине 1990-х гг. это еще было очень распространено, однако сейчас все большее число политиков меняют образ, пытаются предстать не выразителями интересов и идей своих избирателей, а благодетелями и патронами. Изменяется содержание того обмена между избирателями и политиками, который образует материю политической поддержки и легитимности.

В этих взаимоотношениях на задний план уходит политическое представительство, а решающим становится предоставление политиком непосредственных благ населению. Разумеется, в данном случае ни о какой демократической форме взаимоотношений речи идти не может. Избиратели превращаются из носителей суверенитета и политической воли в коллективного коррупционера, который продает свои политические права тому, кто больше им даст материальных благ.

Именно этот процесс представляется самым опасным для демократии в современной России. Потому что в ходе такой символической продажи происходит самое глубокое отчуждение избирателя от политической власти, его собственный отказ от права принимать государственные решения.

В избирателе, который голосует, думая не о целесообразности политического курса, а о конкретных материальных благах от этого политика, в данный момент умирает гражданин.

4. Решение проблемы демократического представительства и демократической процедуры. Другая проблема, связанная с подменой понятия демократии, – это современное обоснование сущности демократического представительства.

Демократия без процедуры народного участия превращается в лозунг, в декларацию близости к народу и заботе о народе. Но в таком виде это не очень отличается от концепции «Самодержавие – православие – народность».

В принципе, проблема демократического делегирования – это ахиллесова пята современной демократии представительного типа. Многие философы достаточно обоснованно утверждали, что представительная демократия невозможна, а демократией является лишь демократия непосредственная, когда общество непосредственно принимает решения по государственному управлению. Поскольку мы живем не в греческом полисе, такая форма правления невозможна, и для современной демократии острейшей является задача выработки тех процедур, которые делали бы процесс представительства наиболее прозрачным и легитимным.

В современной России нет никаких попыток найти легитимные процедуры демократического представительства. Здесь можно привести массу аргументов: и вертикальный характер формирования исполнительной ветви власти, и эксцентричное избирательное законодательство... Реальные механизмы демократического представительства и контроля подменяются совещательными общественными советами типа Общественной палаты в духе учения славянофилов, которые, кстати, были противниками демократии.

Невозможна демократия без демократической процедуры. Вспоминая классическое определение Линкольна, из него нельзя просто изъять часть о «правлении народом», нельзя отменить процедуры принятия политических решений самим обществом. В противном случае это уже будет не демократия, а иной режим – авторитарный. Сам по себе авторитарный строй не является отрицательным, но нельзя одобрить, когда авторитарные элиты списывают свои ошибки и проступки на само общество, ссылаясь на несуществующую демократию.

А.П. Глазков, канд. филос. наук, доцент кафедры философии АГУ усомнился в правомерности постановки вопроса о вызовах демократии и заметил, что если считать политическую философию особым видом рассуждения о политике на основе известной философии знания, то его выступление представляет собой своего рода политически философское размышление на проблемы, связанные с развитием демократии в нашей стране. При этом речь идет не о вызовах демократии. Вызов может быть дан тому, что уже сложилось в нечто устойчивое. В России же демократия (по своим качественным характеристикам) еще не является устойчивым режимом власти. Более того, сам процесс ее формирования и упрочения сталкивается со множеством проблем, которые могут стать препятствием и даже угрозой для реального осуществления демократии. Философское же рассмотрение касается духовного аспекта причин тех угроз, которые встают перед демократическим развитием нашей страны.

Формально, согласно действующей Конституции и в целом по стране, демократические нормы законодательно утверждены. Проблема не в этом, проблема заключается в их действенности. Общество живет отчасти по этим нормам. Демократические нормы еще не стали нормальным явлением нашей жизни, и, более того, общество и не движется к этому нормальному идеалу, а, наоборот, намечается обратный процесс.

Демократия возможна в условиях правового государства и гражданского общества. Если правовое государство можно строить правовыми средствами через законодательство, то гражданское общество, которое является своего рода основанием правового государства, условием и гарантом демократии, формируется не внешними декретами, а в силу внутреннего духовного развития народа в целом. Гражданское общество есть, прежде всего, духовное качество общественной жизни, и угроза осуществимости демократии, получается, идет от самого народа, от всех его социальных слоев.

В конце 80-х – первой половине 90-х гг., когда народ был активным субъектом политического действия, начинается собственно эпоха демократического созидания. При Б.Н. Ельцине шел слом советской тоталитарной государственности и у власти были демократы-интеллигенты, «романтики». Однако экономические реформы, которые проводились в это время за счет народа, приобрели катастрофический характер для уровня жизни большинства населения. Это вызвало социально-политический кризис в стране. Народ был против такого варианта либеральных реформ за его счет, что и выражало парламентское большинство. Вместо того, чтобы откликнуться на этот «вызов» демократии, в условиях противостояния (самое острое – октябрь 1993 г.) демократы пошли на сознательный отказ от демократии, совершили своего рода предательство демократии как принципа народовластия. Демократы поступили, мягко говоря, недемократично, когда они нарушили волю народа и разогнали парламент. Из всех возможных вариантов конституционного устройства была выбрана форма авторитарной (или, как говорят, сильной исполнительной) президентской власти «под Ельцина». Демократы, в угоду жесткому варианту либеральных реформ, абсолютизовав ее экономическую составляющую, а именно, свободу приватизации государственной собственности, стали использовать авторитарные методы политиче-

ского руководства. Свобода и защита этой свободы для меньшинства, а не в интересах большинства – это существенное нарушение демократии.

Тактически «демократы-романтики» выиграли: они, будучи меньшинством, сумели навязать свой вариант шоковой экономической модернизации стране. Однако проигрыш был в другом, в самом важном. В угоду тактическим целям и прямой частной выгоде были установлены принципы государственного устройства, которые несли в себе главную опасность для общества – это искус авторитаризма. Авторитаризм имеет свои принципы и логику развития, и демократы-романтики первые стали его жертвой.

При сильной президентской власти решающую роль начинает играть аппарат управления. Произошло классическое сращивание капитала, частной выгоды и государственного управления (распоряжение ресурсами), которое имеет столь характерное название, как олигархия. Демократы-прагматики, менеджеры остались, демократов-романтиков «ушли». Система сложилась, и она пополняется теперь умелыми организаторами-менеджерами аппаратного типа, а не политиками-демократами.

Легитимация режима при демократии – это выборы. Успешно создается система управляемой демократии, одним из ведущих элементов механизма которого является партия «Единая Россия». В условиях относительного улучшения жизненного уровня большинства населения, в условиях прекращения перебоев с выплатами пенсий, зарплат в условиях громких обещаний и системой постоянных, хотя минимальных, но повышений пенсий, зарплат «по чуть-чуть», что создает эффект «заботы о народе», народ начинает надеяться, верить в лучшее будущее.

В этих условиях угроза демократии идет от правящих кругов, которые демократическими выборами прикрывают свое правление, не оставляя никаких шансов альтернативному правящему режиму кандидату. Эффект может быть достигнут и не фальсификациями, а использованием административного, информационного ресурсов, массовой пропагандой и т.д. Создается послушный управляемый законодательный парламент и небольшая, ничего не решающая оппозиция.

Судя по всему, такое положение вполне устраивает большинство народа. Вполне возможно, что это есть реальный уровень политической культуры, для которого демократия не есть действенная норма. Как для демократов-интеллигентов, государственного аппарата, так и для самого народа, который мирится с этим положением вещей ради будущих возможных материальных благ. Массовых волнений нет, поддержка альтернативных партий в целом низка.

Авторитарно настроенное общество возродило авторитаризм и вполне может быть демократично. Третья угроза для демократии идет от самого народа, который и составляет собственно гражданское общество.

За 15 лет не произошло самого главного – духовной деконструкции авторитаризма, без которой гражданское общество создано быть не может. У нас до сих пор (в Астрахани это особенно чувствуется) название еще многих улиц и площадей сохраняется от авторитарного и репрессивного режима.

Тоталитаризм и авторитаризм не может возродиться в обществе, где есть самостоятельно думающая личность, которая обладает высокой культурой (общей и правовой). Такая личность должна быть воспитана на духовных, а не на материальных ценностях. Причем духовные ценности нисколько не отменяют материальные, а одухотворяют их, ставят их на соответствующее место в жизни человека.

Вызова демократии формально нет, поскольку самой демократии фактически нет там, где цель – исключительно материальное благополучие и развлечения. В гедонистическом обществе массового потребления демократия не нужна. Духовное рабство рождает и политическое рабство.

Таким образом, необходимо воспитание свободного духовно развитого человека. Основой же духовности является нравственность. Для этого необходимо воспитание культуры и прекращение нравственного растления человека через СМИ, особенно ТВ. Необходимо возродить все институты общества, в том числе и традиционные, которые поддерживают и воспитывают нравственные принципы (такие, как Церковь,

религия, семья). Необходимо защитить школы от проповеди безнравственности, через так называемое «сексуальное воспитание».

Духовно свободный человек (не путать свободой от духовности) – это человек самостоятельный, имеющий духовные принципы (начала) своей жизни. Под духовными принципами надо понимать, конечно, абсолютные начала добра, нравственное совершенство.

Только в этом случае мы можем создать действительно свободное гражданское общество, которое станет оплотом демократии, свободы и равенства.

Тесной связи демократии и политической культуры посвятила свое выступление О.И. Оськина, канд. полит. наук, доцент кафедры политологии АГУ.

Политические события конца XX и начала XXI вв., открыли путь к демократии большой группе стран и изменили политическую карту мира. Данные обстоятельства позволяют говорить о феномене «глобальной демократизации». Подобная масштабная демократическая трансформация нуждается в изучении, осмыслении и выявлении универсальных аспектов демократизации с одной стороны и особенностей того или иного транзита – с другой. Анализ исторического опыта процесса демократизации представляет теоретический интерес и позволяет выделить различия данного транзита. В связи с этим американский политолог С. Лакоф выделяет следующие исторические модели становления демократического строя.

1. Революционная модель.
2. Эволюционная модель.
3. В результате внешнего воздействия, или «навязывание» демократической модели извне.
4. Демократическая трансформация, осуществляемая сверху.
5. Смешанная модель.

В научной литературе нередко разграничиваются стадии перехода собственно к демократии и демократической консолидации. Действительно, на эмпирическом уровне зачастую сложно определить, когда заканчивается фаза демократического перехода, транзита и начинается процесс консолидации.

Окончание транзитной фазы в значительной степени зависит, во-первых, от результатов экономических реформ, которые в общественном сознании значительной части населения ассоциируются с демократизацией политического режима, во-вторых, демократический процесс не в меньшей, а может быть даже в большей степени, чем экономические реформы, зависит от изменений в политической культуре большинства граждан общества или, по крайней мере, его наиболее активной части.

Ги Эрме справедливо обращал особое внимание на то, что «демократия – это культура в большей степени, чем система институтов... Суть идеи в том, что демократия основывается на медленном приобретении терпимости и сознания своих пределов: ведь демократическое правительство не может решить всех вопросов и ценно скорее своей природой, чем результатами деятельности, которые необязательно оказываются во всех отношениях лучше, чем при нелиберальном правлении».

Проблема пределов демократии и теснейшим образом связанная с ней проблема ограничения прав и свобод граждан, при всей ее актуальности, является частным случаем более общей проблемы обеспечения на конкретной ступени демократического развития общества баланса интересов личности и государства. Насколько успешно она решается, зависит от выбора приоритетов в политике демократического государства.

Главная трудность здесь – найти правильную в методическом отношении отправную точку, отвечающую как международно-правовым нормам, так и интересам развития страны на новом этапе. На наш взгляд, опереться тут можно на тезис известного эстонского юриста Рейна Мюллерсона: «Подобно тому, как нельзя приносить интересы, права и свободы отдельного индивида в жертву интересам общества, нации или государства, нельзя и абсолютизировать примат прав и свобод личности над интересами общества в целом. Обе крайности одинаково неприемлемы, опасны».

Ограничения никогда не бывают тотальными, а люди никогда не бывают абсолютно послушными. Однако нет таких общественных устройств, где бы ограничения полностью отсутствовали. Чем больше ограничений, тем меньше свободы, и наоборот.

Это означает, что нет единой модели демократии, и сама по себе демократия непрерывно развивается, следовательно, меняются взгляды на соотношение внутренних и глобальных факторов ее функционирования в современных условиях.

С сообщением «Перспективы демократической власти в представлении российских граждан» выступила О.Г. Рюмкова, канд. полит. наук, доцент кафедры социологии АГУ.

Сдвиги общественного сознания в современной России, фиксируемые многими исследователями, оставляют открытыми важные вопросы: «В каком соотношении находятся прежние советские и новые демократические ценности в сознании российских граждан?», «Укоренилась ли модель в российской ментальности, или демократические институты противоречат традиционной политической культуре?».

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо установить, что в России граждане понимают под демократией и как относятся к подобной форме правления. Это возможно определить на основе данных социологических исследований, проведенных как количественными, так и качественными методами.

В феврале 2007 г. Центр ЕС-Россия и Левада-центр представили результаты социологического исследования «Восприятие россиянами европейских ценностей». Это исследование раскрыло отношение россиян к таким фундаментальным европейским ценностям, как демократия, права человека, рыночная экономика. Были получены следующие результаты.

Во-первых, социологи обнаружили, что 65 % россиян с трудом могут дать определение демократии, а 27 % считают, что в России ее никогда не было, лишь 30 % опрошенных назвали современную Россию демократической страной, а около 25 % довольны существующей системой и считают ее справедливой.

Можно провести следующие определения демократии, даваемые респондентами в качественном исследовании, проведенном кафедрой политической психологии философского факультета МГУ:

- демократия – неизвестное для меня слово;
- я не знаю, что такое демократия, никогда не думал, и меня это не интересует. Да и вообще этот термин сегодня используют все, так что я уже толком не знаю;
- демократия – это хорошо, прекрасно, но неприемлемо, к сожалению. Для этого надо, чтобы каждый был умным и активным, а так не бывает;
- демократия – это вроде бы свобода, а ведь на самом деле ничего нет;
- демократия – это сильная власть, основанная на согласии во взглядах;
- демократия – это что-то такое приятное, из-за чего хочется утром просыпаться; демократия – это очень хорошо; демократия в нашей стране – пустой звук;
- нет у нас демократии; Америка – это демократическая страна, но опять же там не демократия, а страх перед законом.

Таким образом, хотя понимание демократии у россиян значительно отличается по таким социально-демографическим факторам, как пол, возраст, образование, принадлежность к власти и уровень доходов, большинство указывают на сложности, а иногда и на невозможности ее развития в собственной стране. Так, только менее половины респондентов считают, что в западной демократии и культуре нет ничего плохого и что западный опыт даже может быть полезен их государству. А каждый третий россиянин уверен, что западная демократия вообще не подходит России.

Во-вторых, 94 % респондентов по-прежнему считают, что являются лишь винтиками государственной машины, не оказывая практически никакого влияния на то, что происходит в России. Соответственно, россияне не чувствуют и ответственности за происходящее в стране.

Наконец, только 8 % опрошенных уверены, что судебная система полностью независима от исполнительной власти и свободна от коррупции, а 60 % респондентов считают, что их права ничем не защищены, а представители власти ведут себя выше

закон. И только 4 % респондентов полагают, что их права полностью защищаются государством.

Таким образом, проведенный анализ показал, что подавляющее большинство граждан не склонно выражать то восхищение демократией, которое было присуще 90-м гг. Кроме того, общее позитивное восприятие демократии почти не реализуется в конкретных действиях. Лишь незначительная часть граждан готова к активным формам отстаивания своих прав и свобод, тем более – к непосредственному участию в реализации власти.

Ситуация осложняется и тем, что на протяжении длительного периода истории в массовом сознании были сформированы определенные национальные архетипы, наглядно проявляемые в существовавшей советской системе (например, архетип царя, вождя и т.п.) и продолжающие оказывать влияние на политическую жизнь страны. Искоренить основы этих представлений невозможно, но их необходимо использовать в политике для формирования новой идентичности россиян и преодоления социокультурного кризиса в стране.

О некоторых вызовах демократии в современном мире говорила Д. Бобрик, студентка III курса факультета социальных коммуникаций АГУ, обучающаяся по специальности «Политология».

На данный момент во всех государствах с демократической формой правления превалирует представительная форма демократии, так называемая либеральная демократия. Ее ставят в пример государствам с недемократическими формами правления, и, если у этих стран в наличии имеются полезные ископаемые или выгодное геополитическое положение, эти государства в скором времени становятся объектами для экспорта цветных революций и транзита западных демократических ценностей, сопровождающихся ломкой исторически сложившихся обществ. Например, в Белоруссии все выборы после 1994 г. признаются европейским сообществом сфальсифицированными. Сам А.Г. Лукашенко по этому поводу говорит: «Мы, как в 1941 г., находимся во вражеском кольце»; «Я свое государство за цивилизованным миром не поведу».

США являются главным арбитром на мировой арене, определяющим необходимость транзита демократии, тот самый мировой полицейский, о котором писал Ф. Фукуяма (но и он уже успел отказаться от своих слов), назвав США мировым ковбоем, стреляющим без разбора во все стороны. США же чисто экономические интересы прикрывает идеологическим популизмом. В Бюджете США присутствуют статьи о развитии демократии в Белоруссии, России, Грузии, и т.д. Финансирование осуществляется в основном через НКО и систему грантов. Эта политика США сводится уже не к доктрине «кольца анаконды», а к частному интересу политических лобби США, в основном нефтяных, получить новые источники дохода. Как известно, правящую республиканскую партию финансируют нефтяные лобби, в связи с этим и была начата война в Ираке.

Все вышесказанное мы можем определить как вызов авторитарных лиц или групп давления, ставящих свои экономико-политические интересы выше интересов национальных государств.

Еще один вызов демократии обусловлен развитием средств массовой коммуникации, с учетом нарастающих сложностей с реализацией представительной демократии возродился интерес к ее прямым формам.

Так В.П. Лукин, уполномоченный по правам человека в РФ, видит наибольшее число вызовов демократии в последствиях развития современных технологий, в частности, Интернета, доступ к которому имеет все больше людей. С одной стороны, он полезен для демократии, поскольку обесмысливает пути ограничить свободу информации: контроль СМИ ограничивает лишь тех, кому информация и так не нужна. С другой стороны, порождаемая Интернетом безответственность приводит к разнузданности. Кроме того, Интернет как бы возвращает политические процессы от представительной демократии к прямой, как в античные времена. К тому же современные технологии дают больше возможностей террористам. Существует перспектива глобального шантажа со стороны террористического государства или группы.

Еще один вызов демократии заключается в увеличении количества иммиграционных потоков. Даже США от полной открытости переходят к ограничениям. Для России проблема иммиграции несет в себе двойкий смысл: с одной стороны – наша территория в значительной части не заселена, с другой – прибытие множества чужих создает напряжение в российском обществе.

Традиционно к вызовам демократии относят – сепаратизм, экстремизм и терроризм, как выразился Ли Ху – «*three evil forces of terrorism, separatism and extremism posing a great threat to the security and stability of the member states*» (*Moscow News*, № 31 2007, «China, Russia, Lead Anti-terrorism Drills»).

Еще одним вызовом для демократии является «транзит без трансформации». Так, по мысли М. Буравого – социолога из Калифорнийского университета – «вместо ожидаемого неолиберального революционного разрыва с прошлым или неинституциональной тенденции эволюционного движения к будущему капитализму Россия переживает... инволюционную (регрессивную) деградацию, вызванную расширением сферы обмена за счет производства».

Кроме вышеуказанных вызовов, мы можем выделить вызов отторжения искусственно привитой демократии, выход из под своеобразного патронажа, например, политическая система Японии до сих пор функционирует на базе созданной американцами Конституции 1947 г.

От общего к частному, рассматривая вызовы для российской демократии, следует отметить базовую проблему – ориентации России в XXI в. Транзит демократии в России по большей мере закончился ничем.

Каждый ответ на вызов порождает новый вызов, поэтому отвечать на эти вызовы следует с большой осторожностью, заранее предугадывая возможный ответ.

Демократизация – процесс, но на данный момент он «завис» в политическом времени, и все, на что мы способны, это воскликнуть вслед за Ф.В. Ницше: *«Чти начальство и повинуйся ему, даже хромому начальству! Этого требует хороший сон. Разве моя вина, если власть любит ходить на хромых ногах?»*.

Студентка IV курса факультета социальных коммуникаций (специальность «Социология») Ю. Показеева представила сообщение «Молодежь в цветных революциях в СНГ как одна из движущих сил демократии».

В начале 90-х гг. XX столетия политическая карта мира заметно поменяла свой облик. Вместо СССР в мире появилось 15 независимых государств, часть которых позже объединилась в Содружество Независимых Государств.

Новые государства встали на путь, который сменил семидесятилетний режим тоталитарного правления, на путь, которого придерживались практически все передовые государства. Новым вектором развития стран стала демократия.

Россия была в числе стран, принявшая новую форму государственного устройства. Демократические ценности стали преобладающими в умах граждан, жестко отстаивавших принципы демократии и в 1991, и в 1993 годах.

Однако не смотря на кардинальные государственные изменения, социально-экономическая сфера страны стремительно трансформировалась и разрушалась. Все больше и больше людей разочаровывались в новой власти. Существующие негативные настроения были умело подхвачены теми, кому было выгодно марионеточное правительство с полным подчинением. Появилась благодатная почва для мягкого захвата власти «ненасильственными методами».

«Ненасильственные методы» захвата власти – способ непрямого и латентного воздействия на массы, инструмент манипуляции «свободным демократическим выбором народа», а принцип свободного выбора – один из основополагающих базисов демократии.

Выражение недовольства по поводу общественных и социальных проблем стало основным лейтмотивом общественно-политического явления, так называемого «цветного переворота», ратующего за незыблемые принципы демократии, за свободные выборы и соблюдение прав человека.

«Цветные перевороты» имеют свои отличительные особенности: общественный строй не меняется, приход к власти условно новой группы руководителей влечет за собой лишь изменение политического курса и смену внешнеполитических ориентиров. В основном эти ориентиры направлены в сторону США, откуда и идет финансирование подобной смены власти (NDI, IRI, USAID, Freedom House, Open Society Institute). И финансирование здесь выходит на первое место, оно является самым мощным стимулом для выражения своего недовольства.

Еще одни отличительные особенности таких переворотов – развитие по сценарию и управляемость. «Успешная революция разворачивается по сценарию, столь же точному, как компьютерная программа», говорит один из исследователей Жовер Венсан в статье «Творцы революции: проамериканские Че Гевары».

Прошедшие «цветные перевороты» в Югославии (2000 г.), Грузии (2003 г.), Украине (2004 г.), Киргизии (2005 г.) проходили по весьма схожим моделям, и основной движущей их силой стала молодежь. До тех пор значение молодежи в избирательных кампаниях и ее участие в выборах недооценивалось. Она считалась политически пассивной группой населения, но политтехнологи пришли к обратному выводу и сделали молодежь основным действующим лицом переворотов. Большинство молодых людей были из так называемого «потерянного» поколения, для которых идеология советского государства и патриотизм оказались размытыми, а финансовые трудности – преобладающими. Политтехнологам стало ясно, как привлечь такую молодежь: для этого необходимы денежные вливания и четко сформулированная идея.

Для получения нужного результата создавались сети молодежных движений. Здесь расчет оппозиции строился на том, что молодые более максималистичнее, активнее, подвижнее, смелее, их легче контролировать, ими легче управлять, на них проще воздействовать, так как у них нет ни детей, ни работы, ни богатства, им нечем дорожить. Молодежь, принимавшая участие в переворотах, в основной своей массе была воспитана уже после краха СССР, а, следовательно, обладала иным и более пластичным мировоззрением, направленным в сторону западных идей. Технологам не пришлось прилагать колоссальных усилий, чтобы настроить молодежь на нужную волну.

Все молодежные организации позиционировались как широкие гражданские кампании с привлечением огромного количества сторонников. По своей идеологии, структуре, содержанию и методам деятельности эти организации были идентичны.

Схема построения деятельности молодежных организаций оказалась одинаковой для всех. Активисты организаций СНГ проходили обучение на зарубежных семинарах с привлечением иностранных специалистов и людей, непосредственно принимавших участие в смене власти в Югославии. После снабженные знаниями и методической литературой самые лучшие активисты уже у себя в стране проводили стандартные тренинги по тактике борьбы с режимом «ненасильственными методами» для других членов организации.

Когда необходимое количество людей было «заражено идеей», придумывались политические бренды, частью которых стали короткие, но емкие названия, совмещающие в себе главные лозунги. Также содержательно и ярко формировались и слоганы, которые становились одним из главных способов борьбы оппозиции.

Когда все подготовительные этапы были пройдены, организации начинали активно действовать, противопоставляя новую власть власти постсоветской, коррумпированной и бюрократичной. Успешным средством «обличения» существующей власти служили сравнительные карикатурные плакаты, гласящие о преступности чиновников и о чистоте оппозиции.

К выборам молодежные организации подходили в полной готовности. Выборы были также проведены по одинаковой схеме: оппозиционный кандидат заранее объявлялся победителем, в обратном случае публиковались результаты exit polls, а молодежные организации выводили свой актив на улицы и отстаивали его победу. Акции протеста, обычно отмечавшиеся яркостью, креативностью, масштабностью, запускали механизм широкого общественного действия.

Несмотря на то, что все «цветные перевороты» действовали по одной схеме, в самих странах были внутренние причины для них: коррупция, бюрократия, криминалитет во власти, низкий уровень жизни граждан. Все это стало определенным толчком для скрытого недовольства, а умело подхваченное недовольство вылилось в открытые перевороты, важную роль в которых сыграла молодежь.

Произошедшие в Югославии, Украине, Грузии и Киргизии события опровергают устоявшееся мнение о том, что политическая жизнь страны совершенно не интересует молодежь. Эта группа населения, правильно настроенная и направленная, смело отстаивает свою правду. Такая правда заключается в обретении идеи и смысла гражданской позиции.

Молодежь как самая максималистичная и динамичная социальная группа может наиболее эффективно добиться результата и стать новой политической силой. Для этой силы необходимо лишь выбрать нужный вектор. Однако существует огромное множество таких векторов, начиная от советского прошлого и заканчивая экстремистскими проявлениями. Именно от выбора направления может зависеть будущее нашей страны как самостоятельного и суверенного государства.

Стоит отметить, что опыт политического привлечения молодежи тех стран, в которых уже произошли «цветные перевороты», умело перенят современными политическими силами России. Однако, если в Югославии, Украине, Грузии и Киргизии молодежь использовалась как сокрушительная оппозиционная сила, то в России сегодня молодежь – мощный инструмент поддержки существующей власти. Для этого создаются молодежные организации и молодежные крылья партий, которые всецело поддерживают идеи и действия лидирующих деятелей политики.

¹ *Buravoy M.* Transition without Transformation: Russia's Involutionary Road to Capitalism // "East European Politics and Society". Vol. 15. № 2, p. 270.

*Материал подготовили:
А.С. Вяткина, Л.Я. Подвойский*